

Джеки Кей

Red Dust Road

Перевод Елены Бушневой

Отель «Хилтон», Милтон Кинс.

Первая наша с мамой встреча была также в гостинице. Я сидела в вестибюле возле стойки администратора и ждала, ждала, ждала. Я предупредила дежурную, что мне должна позвонить Элизабет Фрейзер и чтобы ей передали, что я уже здесь. Я не сказала, что женщина, которую я жду, моя мама, и что никогда прежде мы с ней не виделись, хотя мне очень хотелось поболтать об этом, но я сдержалась. Я не была до конца уверена, что она придет; за последние три года мы назначали несколько встреч, но она не приходила. Мы собирались встретиться зимой тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, когда только родился мой сын, потом весной восемьдесят девятого, потом осенью того же года, потом следующим летом, а сейчас осень тысяча девятьсот девяносто первого года. Моему сыну уже три года, а первое письмо от родной матери я получила за три дня до его рождения.

Я занялась ее поисками во время своей беременности, меня подтолкнули к этому обычные вопросы врача. Знаете ли вы, какими заболеваниями страдают ваши близкие? Какие болезни в вашей семье передаются по наследству? Я начала искать свою мать тогда, в двадцать шесть лет, и мне удалось найти ее сестер в Нэрне, на севере Шотландии. Они сообщили, что мое письмо переслали ей и что я должна ждать ответа, и я действительно его получила, накануне рождения Мэттью.

Эта встреча с родной матерью была немного похожа на свидание вслепую. Я совершенно не представляла, как она выглядит: мне прислали ее фото, но старое. Мне не сиделось, я то и дело вставала и наматывала круги возле стеклянного входа. Гостиничная дверь крутилась, любая входящая женщина могла оказаться моей матерью. Она могла быть кем-то, кого я уже когда-то встречала на улице или

сидела рядом в поезде, или той, кому я придерживала дверь в магазине. Она могла быть и той, с кем я разминулась, той, что уехала поездом в Юстон на час раньше, с кем я действительно разминулась. Странно и тревожно думать, что ты могла уже встретиться со своей матерью и не понять этого. Правда в том, что твоя мать для тебя совершенно чужой человек. Она – кто-то где-то, и прежде чем ты найдешь ее, она может умереть, а ты об этом не узнаешь. Никто не сообщит тебе о ее смерти; никто не знает, где тебя искать, потому что ты тоже совершенно чужой ей человек. Вы оба абсолютно чужие друг другу люди.

Мое сердце бешено стучит. Я думаю о том, что должна узнать ее. Думаю, что в ту минуту, когда она войдет, я узнаю ее. Интересно, она войдет через крутящуюся дверь или через скользящую? В таком ожидании есть даже чуточку романтики. Какая у нее прическа? Во что она будет одета? Какая у нее походка? Принесет ли она мне подарок? Обнимет, заплачет? Будет сдержанной, холодной? Меня наполняет предчувствие катастрофы. Мне страшно. Чувствую, что все пойдет не так. Я боюсь встречи со своей матерью. Уверена, все будет ужасно, но не могу ничего сделать. Я готова сбежать. Вдруг вспоминаю все несостоявшиеся свидания. Сколько требуется мужества, чтобы остаться, не сбежать. Тикают часы. Она опаздывает: на пять минут, на десять. Время ожидания течет медленно. Скорее всего, она не придет. Если не придет, может оно и к лучшему. Говорю себе, что если она действительно придет, значит ей тоже понадобилось собрать все свое мужество, чтобы прийти и встретиться со мной.

Наконец в гостиницу через скользящую дверь входит женщина. Мне кажется, это она, но с ней другая, намного моложе ее. Женщина, про которую я думаю, что она моя мать, держит в руках полиэтиленовый пакет, огромную панду и веточку орхидеи, смешно, но я тоже принесла веточку орхидеи. Она маленького роста, ниже меня, у нее рыжие волосы. Хорошо сложена, не плотная, как я, но и не хрупкая. На ней плащ кремового цвета и черно-белый шарф. «Джеки?» – говорит она и обнимает меня. Ее глаза полны слез. Мне хотелось тоже всплакнуть, но вопреки ожиданиям, слезы ко мне не пришли. Почему? Что со мной не так? Я тоже обнимаю ее, чувствую легкую скованность. «Это Дженни, знакомая по церкви», – представляет она свою худощавую спутницу с растрепанными волосами.

– Привет, Дженни, – трясущей ее руку.

– Я оставлю вас. Вернусь за ней через час, – говорит мне Дженни, как будто моя мать маленький ребенок, а я воспитатель в детском саду. Я хотела пошутить: «Она будет в целости и сохранности, штанишки чистые», но не стала. Дженни дарит Элизабет широчайшую одобряющую улыбку и удаляется, после ее исчезновения дверь еще долго крутится.

Элизабет и я проходим в вестибюль гостиницы, идем к большим серым кожаным диванам, что стоят друг напротив друга. Чувствую, что это неправильно, но в номере спит Мэттью, и там моя соседка Луиза, и у нас только час, поэтому жаль тратить время на поиски безлюдного места. Я ждала годы, чтобы встретиться с ней, и не хочу тратить впустую ни секунды. Мы садимся. Элизабет снова обнимает меня. Она гладит меня по руке, ее глаза еще полны слез. «Это я принесла для Мэттью», – показывает она на панду, мы обмениваемся веточками орхидей, смеемся над похожестью цветов. Чуть волнуемся. Я гадаю, могла ли наследственность повлиять на выбор букета.

– Я схожу за сыном попозже, ты его увидишь, – говорю я. Она расстегивает пуговицы, снимает плащ, складывает и кладет его на диван рядом с собой. На ней черно-белый кардиган и элегантная черная юбка, из-под которой выглядывают по-детски круглые коленки.

Элизабет волнуется и тревожно теребит в руках пустой пакет. «Дженни пришла со мной для поддержки», – говорит она, я в ответ киваю головой. Мне кажется, не нужно забрасывать ее вопросами, и горячее желание, выпросить у нее все, покидает меня. Не могу и думать о том, что хотела бы узнать. Напротив меня сидит женщина за пятьдесят, со вкусом одета, в шарфике с прекрасным рисунком. Я ищу в ее лице свои черты и не нахожу. Губы у нее совсем тонкие. Замечаю, что рассматриваю ее до неприличия пристально. Она принесла фотографии своих детей и показывает мне. «Это Ройс», – говорит она печально. – «Он был красивым мальчиком. Это Аиша. Это Хлоя.» Я внимательно рассматриваю фотографии. Ее дети такого же цвета, как и я, потому что она вышла замуж за темнокожего сингапурца. Я-то всегда думала, что они с белой кожей и рыжими волосами, но нет. У них всех – черные волосы и смуглая кожа. Мне кажется, одна из ее дочерей немного похожа на меня. Показываю свои фотографии. Я подобрала их так, чтобы в картинках рассказать о своей жизни. Вот я с отцом и братом на

острове Малл. Мне четыре, и мы играем в настоящих шотландских солдат. Вот я в саду Джесси Кларк даю представление, пока брат подпирает собой дерево. Я в белом платье, мне три года, хохочу, запрокинув голову. Вот мама и я на пароме, идущем на Малл, я в коричневой куртке, такой же, как у брата, только у него синяя. Вот я в Стерлинге, на Аберкромби Плейс, студентка университета. Вот фотографии моих мамы и папы, им уже далеко за тридцать. Моя мать целую вечность смотрит на моих родителей и говорит, что представляла их себе по-другому. В ее голосе звучит разочарование.